ЛЮБОВЬ КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ

ДЕМИДОВ ВЛАДИМИР

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Владимир Демидов

Любовь как смысл жизни

«Автор»
2026

Демидов В. М.

Любовь как смысл жизни / В. М. Демидов — «Автор», 2026

Молчание весит больше любого заготовленного ответа. Вова умеет говорить — много, легко, так, чтобы все смеялись и никто не спрашивал лишнего. Это работало всегда.До неё. Вика не смеётся над его шутками. Она просто смотрит — и видит то, что он старательно прячет за словами: что он не знает, чего хочет, что уходит, когда становится тяжело, что говорит людям то, что они хотят услышать.

© Демидов В. М., 2026
© Автор, 2026

Владимир Демидов
Любовь как смысл жизни

Демидов Владимир

Любовь как смысл жизни

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Редактор Владимир Михайлович Демидов

© Демидов Владимир, 2026

Молчание весит больше любого заготовленного ответа. Вова умеет говорить — много, легко, так, чтобы все смеялись и никто не спрашивал лишнего. Это работало всегда. До неё. Вика не смеётся над его шутками. Она просто смотрит — и видит то, что он старательно прячет за словами: что он не знает, чего хочет, что уходит, когда становится тяжело, что говорит людям то, что они хотят услышать.

18+

Оглавление

Любовь как смысл жизни
Любовь как смысл жизни
Часть 1
Выпускной
После выпускного
Начало необратимого
Переезд
Первые проблемы
Подработка
То зачем он пришел
Встреча с Костей
Сломанный замок
То, зачем он пришёл
Встреча с Костей
Сломанный замок
Долг
Костя ищет Марка через Вику
Вова узнает о долге Вики

Принятие
Работа без знакомств
Не решение, а правда
Правда
Вова узнает о встрече Вики с матерью
Знакомая
Старая подруга
Слишком ровно
Долг возвращается

Любовь как смысл жизни

Часть 1

Выпускной

Вова рассказывал, как сдавал историю, и врал почти в каждом слове.

Врал не из злого умысла — просто так выходило интереснее. Про билет, который будто бы вытянул не глядя. Про учительницу, которая якобы сама ему подсказывала, стоя у окна. Про то, как весь класс потом минут десять не мог успокоиться.

Историю он сдал на четыре и упоминать об этом не собирался.

Он стоял в центре компании, у самого парапета, и чувствовал себя уверенно. Плечом чувствовал, как на него смотрят сразу две: Алина, в голубом платье, с туфлями в руке — каблуки уже натёрли, — и Даша чуть подальше, у гранитного бортика, которая делала вид, что слушает Соню, но поворачивала голову на каждую его фразу. Вова видел обеих. Он всегда знал, кто на него смотрит. Это было как погода за окном: проверяешь не думая.

— И вот выхожу я, — сказал он, — а там комиссия. Три человека.

— И? — спросила Алина.

— И все на меня смотрят. Как будто уже всё знают.

— А они не знали?

— Они не знали, — подтвердил Вова.

Смех получился ровный, хороший. Кто-то хлопнул его по плечу, кто-то сунул в руку стакан с лимонадом — тёплый, почти без газа, зато со льдом. Лёд уже подтаял и стучал о пластик.

На набережной было людно. Асфальт держал дневное тепло, вода в реке лежала тёмная и гладкая, как крышка. Фонари ещё не зажглись, но по одному уже мигали — пробовали. Мимо проехал парень на самокате, объехал их и крикнул что-то весёлое; никто не разобрал слов, но все засмеялись.

— Вова, а ты куда? — спросил Дёмин. — Ты так и не сказал.

— Куда-нибудь, — сказал Вова.

— В смысле?

— В широком смысле.

Опять засмеялись, и разговор съехал на поступление. Кто-то шёл в Вышку, кто-то в МГИМО, Соня собиралась на дизайн в колледж, а Дёмин вообще в Питер, и из-за этого чуть не поссорились — половина компании считала, что Питер это сбежать, а половина, что наоборот. Спорили, какой факультет нормальный, есть ли жизнь на вечернем и правда ли, что на экономике все только и делают, что считают чужие деньги.

Вова вставил две шутки и ни слова не сказал о себе.

Зато взял Алину за локоть и сказал, что её платье слишком опасное для такой спокойной набережной. Алина засмеялась и локоть отняла, но не сразу. Потом Вова повернулся к Даше и сказал, что у неё серьги как две маленькие лампочки. Даша сказала: «Ой, да ну», — и поправила волосы. На всё ушло минуты три. Он умел так: подойти, сказать, отойти, вернуться. Как по кругу, где никто никого не обязан ждать.

И только потом заметил, что один человек на весь этот шум ни разу не засмеялся.

Вика стояла у парапета метрах в десяти, вместе с Соней. Сарафан, кеды, сумка на длинном ремне через плечо. Она слушала Соню и смотрела на воду — не в телефон, не в их сторону, вообще никуда. Когда Вова рассказывал про комиссию, он боком поймал, что она повернула голову и послушала. И не улыбнулась. Просто стояла.

Это зацепило.

Он подошёл, сунув руки в карманы.

— А ты, я смотрю, не впечатлилась.

Соня зачем-то сразу отошла — будто её позвали фотографироваться, — и они остались вдвоём.

— Впечатлилась, — сказала Вика. — Про комиссию нормально было.

— Нормально?

— Ну, смешно. — Она пожала плечами. — Просто ты слово «комиссия» три раза повторил с такой интонацией, как будто оно само по себе смешное.

Вова хотел ответить сразу и не смог. Ответ не нашёлся. Он замолчал на секунду — за весь вечер это была первая такая секунда.

— Жёстко, — сказал он наконец.

— Правда же.

— Ну, вообще да.

Она посмотрела на него и чуть приподняла бровь. Не насмешливо. Скорее с интересом, как будто он только что сдал маленький зачёт и она решала, ставить галочку или нет.

— А чего ты тут стоишь? — спросил он. — Там все наши.

— Я с Соней пришла.

— А Соня ушла.

— Соня вернётся.

— А я, значит, вместо Сони, — сказал Вова. — Временный.

Она не засмеялась, но что-то в лице поменялось.

— Ты всегда так разговариваешь? — спросила она.

— Как?

— Ну вот. — Она показала рукой в воздухе, не очень понятно. — Как будто у тебя в кармане ещё пять таких же.

Вова впервые за вечер не понял, куда идти дальше. Обычно всё шло по накатанному: комплимент, шутка, пауза, взгляд. А тут пауза случилась раньше, чем он её запланировал.

— У меня в кармане ключи и жвачка, — сказал он.

— Уже лучше, — сказала Вика.

Они постояли. Внизу под парапетом вода шуршала о бетон, кто-то на другом берегу запустил в небо светящийся шарик, и он медленно поплыл куда-то в сторону моста.

— Ты куда вообще? — спросил Вова. — После всего этого.

— В медицинский. Лечебное дело.

— Врачом будешь.

— Если доживу до августа, — сказала Вика. — Там баллы. Мама уже три ночи не спит.

— Твоя мама?

— Моя мама. Она врач. — Вика помолчала. — У нас, в общем, всё решено с детства. Я сама решила, чтобы ты не думал. Просто она раньше меня решила, а я потом догнала.

Вова хмыкнул.

— А я не решил, — сказал он.

— Совсем?

— Совсем.

Это было больше, чем он обычно говорил малознакомым людям. Он даже немного удивился, что сказал это вслух.

— Мама хочет на экономику, — добавил он. — Я туда поступлю, наверное. Ну, то есть не «наверное». Поступлю.

— А сам хочешь?

— Я об этом как-то не думал в таком виде, — сказал Вова и сам услышал, что звучит как на собеседовании.

Вика смотрела на реку.

— Понятно, — сказала она.

И это «понятно» было хуже любой колкости.

Из компании крикнули: «Вова, мы на мост!» Он поднял руку, показал, что догонит, и остался. Крикнули ещё раз. Он махнул короче.

— Тебя ждут, — сказала Вика.

— Подождут.

— Тебе не обязательно со мной стоять.

— Мне надо, — сказал он и сам не понял, зачем так сказал. Вышло без шутки, и от этого как-то голо.

Вика ничего не ответила. Минуты через две сказала:

— Мне вообще-то к метро. Соня уехала, я одна.

— Пойдём, — сказал Вова. — Мне по пути.

По пути ему не было по пути. Он жил в другую сторону, и это выяснилось бы при первом же вопросе, но никто не спросил.

Шли долго. В начале июня в Москве светло до десяти, и вечер как будто не собирался заканчиваться. У киоска стояла очередь за лимонадом, рядом женщина продавала ленты и шарики, мальчик на роликах упал и заплакал, мать присела над ним и что-то тихо говорила. На перекрёстке мигал светофор, и все терпеливо ждали зелёного, хотя машин не было.

Вова молчал и понимал, что молчит слишком долго. Обычно такие места он забивал болтовнёй. Сейчас болтовня не шла. В голове было пусто и немного звонко, как в пустом коридоре.

— Ты всё время шутишь, — сказала Вика.

— Есть такое.

— Это удобно.

— Почему?

— Ничего не сказал — и вроде не соврал, — сказала она. — А если соврал, то как будто пошутил.

Вова хотел ответить, что это нечестно, что он вообще-то не такой, — и не придумал, что именно «вообще-то».

— Возможно, — сказал он.

— Не «возможно».

— Ладно, — сказал он. — Удобно.

Вика кивнула, будто поставила галочку, и больше к этому не возвращалась. Спросила только:

— А ты вообще что делаешь, кроме того, что рассказываешь, как сдавал историю?

— Играю в футбол. Плохо. — Вова подумал. — Ещё смотрю сериалы, которые все смотрят. И на гитаре умею три аккорда, но это секрет.

— Почему секрет?

— Потому что все думают, что я умею больше.

Она засмеялась — коротко, одним выдохом, — и это был первый раз за вечер, когда он увидел, как она смеётся. Оказалось, у неё при этом немного кривится левый уголок рта. Он зачем-то это запомнил.

— А ты? — спросил он.

— Читаю. Хожу в бассейн. Соня говорит, что я скучная.

— Соня врёт.

— Соня не врёт, — спокойно сказала Вика. — Я правда скучная. Я не люблю шумные компании. Вот как сейчас — пришла, постояла, пошла домой.

— И как тебе? Постояла?

Она посмотрела на него сбоку.

— Нормально, — сказала она. — Не жалею.

У метро тянуло сквозняком, пахло мокрым бетоном. Вика остановилась у тяжёлых дверей.

— Ну, — сказала она. — Спасибо, что проводил.

— Ага.

Он сунул руки в карманы, потом вынул. Обычно на такой случай у него была припасена шутка. Что-нибудь про то, что она обязательно напишет первой, или про то, что он теперь всю ночь не уснёт. Шутка не приходила. В кармане были ключи, жвачка и телефон, и телефон вдруг показался очень тяжёлым.

— Слушай, — сказал он.

— Что?

— Дай номер.

— Так. — Вика посмотрела на него внимательно. — Ты сейчас серьёзно?

— Я хочу позвонить. Ну, не позвонить. Номер хочу.

Она усмехнулась — не обидно, скорее удивлённо.

— Хорошо, — сказала она и продиктовала. — Записал?

— Записал.

Он смотрел на цифры, как будто они могли куда-нибудь деться, пока он моргает.

— Только это ничего не значит, — сказала Вика.

— Ага. Конечно. Я понял.

— Вот и хорошо.

— Ага.

Она уже взялась за дверь.

— Пока.

— Пока.

Дверь закрылась за ней тяжело, с присвистом. Вова постоял ещё немного, посмотрел на эскалатор, но её уже не было видно — только макушки, сумки и чьи-то пакеты.

До дома он пошёл пешком, хотя ехать было две остановки. Достал телефон, проверил номер. Набрал в контакты: «Вика». Потом стёр и написал: «Вика медицинский». Потом стёр

и оставил просто «Вика». Сунул телефон в карман, через двадцать шагов достал снова и перечитал цифры одну за другой.

Всё сходилось.

После выпускного

Связь пропала на середине гудка. Вова посмотрел на экран: палочка, потом ноль. Тоннель. За стеклом ничего, только своё отражение поверх чужого плеча и лампы в проёме — одна, вторая, третья, через равные промежутки.

Он сбросил и набрал снова. Тот же гудок, две секунды, тишина. В вагоне было душно: кондиционер шумел, но не холодил. Женщина у двери держала сумку на весу, потому что поставить было некуда. Парень с самокатом прислонился к поручню и ел шаурму, завёрнутую в бумагу, и запах стоял на весь вагон.

На «Пражской» связь вернулась. Вова вышел на платформу, отошёл к колонне и набрал ещё раз.

Долго шли гудки. Он уже решил, что она не ответит, и прикидывал, что скажет, если она перезвонит через час и спросит: «Ты чего звонил?» Ничего путного не прикидывалось.

— Алло.

— Вика? Это Вова.

Вышло коротко и требовательно, будто он звонил не первый раз за день, а пятый, и по делу, и она уже должна была знать.

На том конце помолчали.

— Привет, — сказала она.

— Слушай, ты сейчас можешь говорить?

Ещё хуже. Как будто он спрашивал разрешения — голосом человека, который на разрешение не рассчитывает.

— Могу, — сказала Вика. — А что?

— Я… — Вова переложил телефон из руки в руку. — Извини. Я не так начал. Тут тоннель был, связь рвалась. Я три раза набирал, у меня сбрасывало.

— А. Я думала, ты просто так разговариваешь.

— Как?

— Ну как будто я тебе что-то должна.

— Нет. — Он сказал это слишком быстро. — Нет, правда. Просто связь.

— Ладно, — сказала Вика. — Поняла. Только не извиняйся ещё раз, а то станет хуже.

— Не буду.

Мимо прошла женщина с ребёнком, ребёнок тянул её за руку к автомату с игрушками. Вова отступил к колонне.

— Ты вообще чего звонишь? — спросила Вика.

— Да просто. Хотел узнать, как ты.

— Нормально. Сижу дома, читаю. У нас прохладно, а на улице пекло.

— Ага.

— А ты где?

— В метро. — Вова посмотрел на схему линии над путями, хотя знал её наизусть. — Еду в институт. Документы надо отвезти.

— Понятно.

В трубке что-то шуршало — то ли страницы, то ли пакет.

— Вова.

— Что?

— Давай встретимся.

Он не сразу нашёлся.

— Когда?

— Сегодня. Часа в четыре. У «Фрунзенской» есть сквер, там фонтан. Знаешь?

— Найду.

— Хорошо. — Она помолчала ровно столько, чтобы он успел что-нибудь добавить, и, когда он не добавил, сказала: — Ну, до четырёх.

— До четырёх.

Он постоял с телефоном в руке, потом сунул его в карман и поехал дальше.

В институт он всё-таки доехал. Приёмная комиссия работала в длинном коридоре с высокими окнами, перед дверью стояли человек пятнадцать с папками и файлами. Вова постоял в конце, посмотрел на очередь, потом на часы, потом опять на очередь и вышел на улицу. Список, который составила мама, лежал в рюкзаке, сложенный вчетверо. Вова решил, что завтра.

До сквера у «Фрунзенской» он приехал в половине четвёртого. Фонтан оказался сухим: чаша без воды, на дне пустые стаканчики. Тополиный пух стоял в воздухе и не падал. Мужчина вёл собаку, собака садилась и не шла, мужчина тянул поводок и говорил: «Ну что ты, ну пошли». На скамейке сидела женщина с коляской и смотрела в телефон.

Вова прошёл сквер насквозь, обошёл квартал, купил в киоске воду и не открыл её. Потом вернулся и сел у фонтана.

Вику он увидел издалека. Она шла от метро, не торопясь, в светлой рубашке и джинсах, сумка на длинном ремне — та же, что вчера, — волосы собраны. Он встал.

— О, явилась, — сказал он. — Я уже думал, ты передумала.

— Я не опаздывала.

— Я и не говорю.

— Ты сказал «явилась».

— Это была шутка.

— А. — Вика кивнула. — Тогда ладно.

Он хотел сказать что-нибудь ещё — лёгкое, про то, что ей идёт хвост, или про пух, или про собаку, — и поймал себя на том, что уже подбирает слова, как подбирал бы их для Алины или для Даши. И замолчал.

Они сели. Скамейка была тёплая.

— Ты сейчас со мной разговариваешь, как на выпускном, — сказала Вика.

— Как?

— Как будто вокруг ещё десять человек и ты всем им нравишься.

— Может, я тебе нравлюсь.

— Может. — Она посмотрела на него спокойно. — Только тебя тут нет.

Вова сунул руки в карманы, потом вынул. Посмотрел на сухую чашу фонтана.

— Я не умею по-другому, — сказал он.

— Умеешь. Вчера у метро умел.

Он хотел возразить и не стал.

— Ладно, — сказал он. — Да. Я играю. Постоянно.

— Вот.

— И что теперь?

— Ничего. — Вика пожала плечами. — Просто теперь нормально.

Пух наконец пошёл вниз и осел на асфальт белыми комками. Где-то за домами проехала машина с громкой музыкой, и музыка стихла — машина встала на светофоре.

— Я тебе дам шанс, — сказала Вика.

Вова повернул голову.

— В смысле?

— В прямом. — Она смотрела не на него, а на чашу фонтана. — Я не люблю, когда со мной играют. Но я не против посмотреть, какой ты, когда не играешь.

— Это как?

— Не знаю. — Она наконец посмотрела. — Это ты должен знать.

— Хорошо, — сказал он.

Они посидели ещё. Вика достала из сумки бутылку воды и отпила. Вова вспомнил про свою, достал из рюкзака, открыл и выпил половину.

— Алина и Даша, — сказала вдруг Вика.

— Что?

— Те две, с выпускного. — Она сказала это ровно, без наезда. — Ты с ними со всеми так разговариваешь?

— Как?

— Как с зачётом, который надо сдать.

Вова хмыкнул. Потом перестал.

— Наверное, — сказал он. — Да.

— И работает?

— Иногда.

— А потом?

— А потом ничего. — Он посмотрел на шнурок, который развязался. — Потом кто-то обижается, кто-то нет. Обычно нет.

— И ты считаешь, что это нормально?

— Нет.

Он сказал это быстрее, чем ожидал от себя.

— А зачем тогда?

— Не знаю.

— Врёшь.

— Я не… — Вова вздохнул. — Потому что так проще.

— Проще чего?

— Проще, когда никто ничего не ждёт.

— А ты? Ты ничего не ждёшь?

Он не ответил. Собака у фонтана опять села, и мужчина опять начал её уговаривать.

— Я не ухожу, — сказал Вова наконец. — Я просто не задерживаюсь. Понимаешь? Всё хорошо, пока хорошо. А как только…

Он показал рукой в воздухе, не очень понятно, — так же, как она вчера.

— Как только что?

— Как только становится тяжело. — Он пожал плечами. — Я не знаю, что с этим делать. И ухожу.

Он ждал, что она скажет что-нибудь колкое. Она молчала.

— Спасибо, что сказал, — проговорила она. — Честно. Правда.

— Только это ничего не значит.

— Да, — сказала Вика. — Ничего. Я тебе ничего не обещаю, ясно? И ты мне не обещай.

— Ясно.

— Не надо. Мне от обещаний только хуже.

— Ладно.

Вика посмотрела на часы в телефоне и встала.

— Мне пора. У мамы сегодня смена, я обещала приготовить.

Они пошли к метро. По дороге она рассказывала про соседку, которая делает ремонт и сверлит с восьми утра, и про то, что в медицинском на первом курсе, говорят, анатомию сдают все, даже те, кто не учил. Вова слушал и почти ничего не говорил, и это оказалось не так уж страшно.

У дверей Вика остановилась.

— Вова.

— Что?

— В следующий раз, если позвонишь, не начинай с «ты можешь говорить».

— Ладно.

— Пока.

— Пока.

Дверь закрылась за ней тяжело, с присвистом. Вова постоял ещё немного, посмотрел на эскалатор, но её уже не было видно.

Домой он поехал на метро, потом на автобусе. На эскалаторе достал телефон. В группе класса было сто с чем-то сообщений: фотографии с выпускного, которые кто-то выложил только сегодня, чьи-то комментарии, стикеры. Мама написала: «Купи хлеб». И больше ничего.

Вова полистал фотографии. На одной он стоял у парапета и что-то рассказывал, а вокруг смеялись. Он посмотрел на себя со стороны — размахался, рот открыт — и не понял, смешно ли это было на самом деле.

Потом он открыл чат с Лизой. Последнее сообщение висело с прошлой недели: «Ты куда пропал, Вов», под ним — стикер с котом, который машет лапой. Вова набрал «привет». Стёр. Набрал «привет, ты как». Стёр. Закрыл чат.

В списке чатов были ещё Алина, Даша и Кристина из параллельного класса, с которой он один раз гулял в парке. Он посмотрел на них всех сразу, провёл пальцем по экрану и не открыл ни одного.

В магазине он взял хлеб, а потом ещё сыр, потому что мама не просила, но с сыром лучше.

Дома мама была на кухне.

— Подал? — спросила она, не оборачиваясь от плиты.

— Завтра подам.

— Вова.

— Очередь была. Человек пятнадцать.

— Пятнадцать человек — это не очередь.

— Мам.

Она подвинула кастрюлю и повернулась.

— Ты в курсе, что на экономику в прошлом году проходной был двести шестьдесят?

— В курсе.

— Я тебе не враг.

— Я знаю.

Мама поставила перед ним тарелку.

— Ешь. И завтра чтобы подал. Не послезавтра, а завтра.

Он ел. Мама села напротив с чашкой и стала рассказывать про сына коллеги, который поступил на вечернее, и что это тоже вариант, и что главное — не тянуть. Вова кивал и думал, что скажет завтра, если очереди опять не будет.

В комнате он лёг на кровать и положил телефон на тумбочку экраном вниз. Потом взял гитару — она стояла у шкафа, — тронул три аккорда, тихо, чтобы не было слышно, и поставил обратно.

Он мог написать Лизе: она ждала ответа неделю. Мог написать Алине — она сегодня оставила сердечко под его фотографией. Он не написал никому.

Телефон дёрнулся на тумбочке и затих. Вова не перевернул его.

Начало необратимого

Переезд

Вова сидел на прогретом шершавом бордюре и ногтем поддевал край скотча на коробке с посудой. Грузовик застрял где-то на Третьем кольце уже на сорок минут, телефон водителя то и дело сбрасывал вызов.

Рядом сидела Вика, вытянув длинные ноги в пыльных кедах. На коленях у неё лежала пустая папка для документов. Они молчали, но это было странное молчание — не напряжённое, как в метро два месяца назад, а ленивое и пустое.

— Думаешь, зеркало разобьёт? — спросила она, щурясь на солнце.

— Если водила его поверх матраса кинул — сто процентов, — отозвался Вова. — Но я его предупредил. Три раза.

— Ты ему угрожал, по-моему.

— Я просто доходчиво объяснил.

Из-за угла дома, со стороны детской площадки, вынырнула девчонка в коротких джинсовых шортах. В руках — стаканчик с холодным кофе. Она уже почти прошла мимо, когда зацепилась взглядом за Вову, резко затормозила и расплылась в улыбке:

— Вовчик? Ты чего тут сидишь, выгнали из дома?

Это была Кристина — они пару недель переписывались в июне, один раз гуляли в парке, потом он перестал отвечать, сославшись на дела.

Вова дёрнулся, подобрал ноги и неловко улыбнулся:

— Привет. Да нет, вот… помогаю переезжать.

Кристина перевела взгляд на коробки, потом на Вику, приподняла бровь с лёгкой усмешкой:

— А, вон оно как. Понятно. А я тут у подруги была. Ты куда пропал-то вообще? Номер сменил?

Вика не пошевелилась. Она просто смотрела на носки своих кед, крутя в пальцах пластиковую папку.

— Да дел полно было, Крис, — Вова старался говорить ровно, но голос предательски съехал на привычные виновато-ласковые нотки. — Учёба, подработка…

— Ну да, ну да. Ты же у нас занятой. Ладно, не буду мешать семейной идиллии. Набери как-нибудь, если время найдёшь.

Она махнула стаканчиком и зацокала босоножками к арке.

Вова проводил её взглядом, чувствуя, как горит шея. Было глупо и стыдно — не перед Кристиной, а перед Викой. За этот дурацкий тон, за то, что опять начал оправдываться, как нашкодивший школьник.

Он повернулся к Вике. Та даже не смотрела в сторону арки.

— Мы один раз гуляли, — вдруг сказал Вова. Сам, без вопроса с её стороны. — В начале лета. Я ей лапши навешал, что буду звонить, а потом просто слился.

Вика скосила на него глаза:

— И зачем ты мне это говоришь?

— Не знаю, — он пожал плечами и уставился на асфальт между кроссовками. — Просто чтобы ты не думала, что я… Ну, короче. Я со всеми так раньше общался. На автомате. Говоришь человеку то, что он хочет услышать, лишь бы отвязался.

Грузовик они всё-таки дождались. Водила оказался хмурым мужиком в засаленной кепке, зеркало выжило, но таскать узкий шкаф на четвёртый этаж без лифта пришлось Вове вдвоём с этим самым мужиком.

Когда последняя коробка встала в коридоре, часы на телефоне показывали уже полседьмого. Руки мелко дрожали от тяжести, футболка на спине промокла насквозь.

Вика оперлась о дверной косяк, сдувая со лба мокрую прядь:

— Всё. Если я сейчас не съем что-нибудь горячее, я просто упаду прямо на эти тюки.

Вова вытер лоб тыльной стороной ладони:

— Там за углом пиццерия была. Вроде приличная.

— Пойдём туда? — она посмотрела прямо на него. — Вдвоём. Я угощаю, ты заслужил.

Вова замер. Слово «вдвоём» повисло в душном воздухе прихожей. Это не было «перехватить по куску шаурмы на ходу». Пойти в кафе, сесть напротив друг друга за столик, ждать заказ… Это пахло свиданием. Настоящим, классическим, от которых у Вовы всю жизнь сводило челюсть. Там нужно было что-то из себя строить: шутить вовремя, держать зрительный контакт, казаться остроумным, подливать воду.

Он сунул руки в карманы джинсов, нащупал связку ключей и сжал её так, что зубья впились в ладонь.

— Ты чего завис? — спросила Вика.

— Слушай, — он замялся, чувствуя себя полным идиотом. — Я, кажется, не умею.

— Чего не умеешь? Есть пиццу?

— Сидеть вот так. В кафе. Ну, просто есть с девушкой и не пытаться… понравиться. Не изображать ничего. Я сразу начинаю нести чушь.

Вика посмотрела на него пару секунд, а потом не выдержала и негромко рассмеялась. Смех у неё был хрипловатый, не дежурный.

— Вов, расслабься. Мы просто пожрём. Я слишком голодная, чтобы оценивать твои таланты. Это, кстати, был первый нормальный разговор за весь день.

Пиццу они всё-таки взяли с собой в коробке и съели прямо на подоконнике в пустой кухне, запивая тёплым чаем из пластиковых стаканчиков.

Потом вернулись в комнату — разбирать вещи.

Комната была вытянутая, как пенал, со старыми выцветшими обоями в бледный цветочек. Окно выходило во двор, на ветки тополей. Вова сидел на корточках перед большой икеевской коробкой и срезал скотч карманным ножом.

— Сюда книги складывать? — спросил он, кивая на пустой стеллаж у стены.

— Да, давай. Только нижние полки оставь под папки.

Вова достал стопку учебников, толстый конспект и старый жестяной пенал. Из-под пенала выскользнул глянцевый прямоугольник. Вова подхватил его пальцами, собираясь положить на полку, но взгляд сам зацепился за изображение.

Фотография десять на пятнадцать, с неровно обрезанным белым краем. Вика — чуть младше, волосы длиннее, смеётся, запрокинув голову. Рядом — высокий парень в тёмной куртке, обнимает её за плечи так уверенно и привычно, будто они вместе лет сто. Парень смотрел прямо в камеру — спокойно, без тени сомнения.

Вова замер со снимком в руке. В груди противно кольнуло.

— А это кто? — вырвалось раньше, чем он успел подумать.

Вика подошла сзади неслышно, в одних носках. Протянула руку, взяла карточку за угол. Движение было быстрым, почти рефлекторным, но она не стала прятать её за спину.

— Знакомый, — ответила она коротко. Глаза её стали непроницаемыми, серыми, как асфальт во дворе. — Давно было.

Она сунула снимок в середину толстого словаря и захлопнула его.

Вова смотрел на её пальцы. У него язык чесался спросить: какой знакомый, бывший ли это, почему она хранит эту фотографию. Привычная тактика требовала съязвить, подколоть, вывести на чистую воду, чтобы перехватить контроль над разговором.

Но он промолчал. Опустил глаза обратно в коробку, достал следующую стопку книг и протянул ей:

— Держи. Тут по истории что-то.

Вика взяла книги. Задержала на нём взгляд на секунду дольше обычного, будто ожидала продолжения расспросов. В её взгляде мелькнуло удивление — и еле заметная благодарность.

К девяти вечера комната почти приобрела жилой вид. Коробки сжались в плоские картонные пласты у двери, на полках ровно встали книги, на диване появилась свежая простыня в синюю клетку.

Вика сидела на полу, прислонившись спиной к батарее, и протирала влажной салфеткой настольную лампу.

— Устала? — спросил Вова, присаживаясь рядом на край дивана.

— Ноги гудят, — призналась она. Покрутила провод лампы в пальцах, посмотрела на него снизу вверх. — А у тебя дома как? Родители нормально отпустили на целый день? Не ворчат?

Вова моментально напрягся. Плечи словно налились свинцом.

— Нормально, — бросил он сухо.

— Они строгие? — не отставала Вика. Тон у неё был самый обычный, спокойный, без подвоха — просто разговор двух людей, которые пытаются узнать друг друга чуть ближе.

— Да обычные, — Вова уставился на носки своих кроссовок. В памяти тут же всплыла кухня: вечно орущий телевизор, глухое молчание отца над тарелкой супа и въедливый, звенящий голос матери, проверяющий каждую мелочь. — Отец молчит, мать командует.

— В смысле командует?

Вова почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Горло перехватило. Это было то самое, о чём он не разговаривал ни с кем — ни с приятелями во дворе, ни уж тем более с девчонками. Девчонкам он обычно рассказывал, что у него идеальная семья, просто все очень занятые.

— Давай не про это, ладно? — отрезал он резче, чем хотел.

Вика замерла с салфеткой в руках. Посмотрела на него внимательно, без обиды, но с какой-то новой, внезапной дистанцией.

— Ладно, — кивнула она коротко.

Разговор оборвался. В комнате сразу стало пусто и тихо, только с улицы доносился шум далёкого шоссе. Воздух будто застыл. Вова стиснул зубы. Он сам выстроил эту стену секунду назад, сам захлопнул дверь — и теперь эта внезапная холодность между ними бесила его до тошноты. Он злился на себя за то, что сорвался, и на неё — за то, что она просто взяла и замолчала, не пытаясь сгладить угол.

Тишину разорвал звонок.

Телефон Вовы лежал на пустом письменном столе и вибрировал так, что подпрыгивал на лакированной поверхности. На экране высветилось: «Мама».

Вова зажмурился. Сердце ухнуло куда-то в желудок, по рукам пробежала знакомая противная дрожь. Он глянул на Вику. Та продолжала тереть плафон лампы, делая вид, что ничего не происходит, но Вова видел, что она слышит каждый звук.

Сбросить было нельзя — станет только хуже, начнёт трезвонить без остановки.

Он подошёл к столу, смахнул зелёную трубку и прижал мобильник к уху:

— Да.

Из динамика полился резкий, удушливый голос матери — такой громкий, что в пустой комнате были слышны отдельные слова:

— Вова! Ты где шляешься? Десятый час! Ты обещал в пять быть дома, у отца давление подскочило, а тебя нет! Где ты носишься целый день? Что это за дела такие?!

— Мам, я занят, — Вова пытался говорить шёпотом, но связки свело судорогой.

— Чем ты занят?! С кем ты там?! Ты матери можешь нормально ответить?! Немедленно домой, я сказала!

Что-то внутри Вовы сорвалось — тонкая нитка, которая держала его весь этот душный день.

— Хватит! — рявкнул он в трубку так громко, что сам вздрогнул. — Хватит мне названивать! Мне девятнадцать лет, я не в детском саду! Я приду, когда освобожусь, понятно?! Перестань меня пасти!

Он сбросил вызов, ткнув пальцем в стекло с такой силой, что экран жалобно скрипнул.

В комнате повисла мёртвая тишина. Вова стоял у стола, тяжело дыша, с побелевшими костяшками пальцев. Собственный крик ещё звенел в ушах. Он никогда так с ней не разговаривал. Никогда вслух. И уж тем более — при посторонних.

Он медленно опустил руку с телефоном. Шею жгло, к лицу прилила горячая кровь. Было тошно и стыдно так, будто его раздели догола посреди этой чужой съёмной комнаты.

Вика сидела на полу, не двигаясь. Плафон лампы замер у неё в руках.

— Извини, — глухо выдавил Вова, глядя в пол между своими ногами. — Не надо было… при тебе так орать.

— Бывает, — негромко сказала она.

Вова нервно усмехнулся, потёр ладонью затылок. Слова полезли наружу сами — плотину прорвало, и он уже не мог остановиться, хотя какая-то часть мозга твердила заткнуться:

— Она каждый день так звонит, понимаешь? — он говорил быстро, сбивчиво, шагая от стола к подоконнику и обратно. — Каждый божий день. Где ты, с кем ты, почему на десять минут опоздал, почему суп не поел. Это душит просто, сил нет. Отец двадцать лет назад сдался, сидит в своей комнате, телик смотрит и слова против не скажет. Она всё за всех решила: куда мне поступать, с кем мне дружить, во сколько ложиться. Я этот звонок слышу — меня прямо колотить начинает. Как собаку Павлова.

Он замолчал, упёрся руками в подоконник и уставился в тёмное окно. В стекле отражалась комната: лампочка без абажура на потолке, Вика на полу.

Вика отложила лампу, обняла колени руками и посмотрела на его отражение:

— Понятно. Теперь ясно, почему ты такой.

Вова резко обернулся. В груди всё вспыхнуло злым, колючим огнём:

— Какой «такой»?

Вика не испугалась его тона, но взгляд её стал мягче, без обычной настороженности:

— Я не в плохом смысле, Вов. Правда. Не злись. Просто… теперь понятно, почему ты ни с кем не задерживаешься. И почему от любых нормальных отношений шарахаешься, как от чумы.

Вова скрестил руки на груди, упираясь лопатками в раму окна. Ему было чертовски неприятно. Неприятно быть прозрачным. Неприятно, когда тебя с лёгкостью просчитывают, раскладывают на причины и следствия, как простенькую задачку из учебника:

— Терпеть не могу, когда меня вот так «понимают», — процедил он. — Типа: а, ну всё ясно, у мальчика мамка авторитарная, поэтому он бабник и дурак. Очень удобно.

Пауза затянулась. Вова почувствовал, что перегнул, что воздух снова стал тяжёлым. Старый, въевшийся в подкорку рефлекс сработал автоматически: сгладить, отшутиться, вернуть лёгкость, пока всё окончательно не испортилось.

Он растянул губы в привычной обаятельной улыбке, чуть наклонил голову и хмыкнул:

— Хотя вообще-то я тонкая, не понятая миром натура. Ты просто пока не разглядела всю глубину моего богатого внутреннего мира.

Шутка повисла в воздухе.

Вика даже бровью не повела. Она смотрела прямо на него — устало, внимательно и абсолютно серьёзно:

— Вот сейчас ты опять это делаешь.

Улыбка сползла с лица Вовы. Он замер.

Слова застряли в горле. Впервые в жизни этот дежурный приём — перевести всё в дурашливый фарс, спрятаться за шутовством — не просто не сработал, а выглядел откровенно жалко. И он сам это увидел её глазами.

Вова медленно опустил руки. Сглотнул. Челюсти сжались. Он хотел сказать ещё что-то лёгкое, привычное, но пересилил себя и просто промолчал. Впервые он не стал защищаться.

В комнате совсем стемнело. Единственная голая лампочка под потолком отбрасывала резкие тени на голые стены. На часах было начало одиннадцатого.

Вова поднял с пола свой рюкзак, но не стал накидывать лямку на плечо. Посмотрел на оставшиеся тюки с постельным бельём, на карниз, который так и лежал в углу, завёрнутый в плёнку.

Возвращаться домой, в душную родительскую квартиру, к материнским обидам и отцовскому молчанию, не хотелось физически. Но дело было даже не в этом. Ему просто не хотелось уходить отсюда. Из этой неуютной, пустой комнаты, где пахло пылью и старыми досками.

— Слушай, — сказал он, глядя в сторону карниза. — Я могу остаться. Ну, помочь. Карниз повесим, шторы натянем, чтобы не как в аквариуме. У соседей дрель спрошу, если не спят. Доделаем всё нормально.

Он сказал это тихо, без намёков, без привычной кокетливой интонации — просто предложил руки и своё присутствие.

Вика поднялась с пола, отряхнула колени. Подошла к двери, ведущей в коридор, и взялась за ручку:

— Не надо, Вов. Я сама.

Вова замер с рюкзаком в руке:

— Да мне не трудно. Серьёзно.

— Я устала, — мягко, но твёрдо повторила она. — Хочу просто лечь и побыть одна. Спасибо тебе за помощь. Правда. Без тебя я бы этот шкаф до ночи таскала.

Она не захлопывала дверь перед его носом, не грубила, но эта спокойная черта была проведена так чётко, что перешагнуть её было невозможно.

— Понял, — кивнул Вова.

Он вышел в узкую прихожую, сунул ноги в кроссовки. Шнурки завязал быстро, не глядя.

— Пока, — сказала Вика у порога.

— Счастливо. Если что — звони.

Дверь за ним закрылась с сухим щелчком замка.

Вова вышел на лестничную клетку. Лампочка над мусоропроводом мигала с тихим треском. Лифт долго не ехал, и он пошёл вниз пешком, перепрыгивая через ступеньку.

На улице пахло остывающим асфальтом и ночной пылью. Москва вокруг гудела редкими машинами, светила жёлтыми окнами многоэтажек. Вова засунул руки в карманы куртки и пошёл к метро. Внутри, где-то под рёбрами, саднило. Его не послали, не оскорбили — ему просто не позволили подойти ближе, чем она сама решила. Его впервые оставили снаружи. И это задевало сильнее, чем любой отказ, который он слышал до этого.

Первые проблемы

Подработка

Правый кроссовок не лез. Вова дёрнул шнурок, присел на корточки в тёмной прихожей и стал вдевать ногу медленно, как будто кто-то мог услышать.

Из большой комнаты бормотал телевизор. Отец опять уснул в кресле, не выключив. На кухне капал кран — раз в две секунды, ровно.

Вова нашарил на полке ключи, придержал язычок замка, чтобы не щёлкнул.

— Ты куда?

Мать стояла в проёме коридора. Халат, руки крест-накрест, волосы ещё не собраны. Она не кричала — и это было хуже.

— На работу, — сказал Вова. — Я говорил.

— Ты не говорил.

— Вчера говорил.

— Мне не говорил.

Он выпрямился. Второй кроссовок так и остался расшнурованным.

— Мне надо ехать.

Мать не сдвинулась с места. Смотрела на него так, как смотрят на чужого человека в очереди, — внимательно, без всякой жалости.

— Ты опять что-то скрываешь.

Вот это она умела. Не орать, не хлопать дверьми, не перечислять, сколько он ей должен. Просто сказать одну короткую вещь — и всю дорогу до метро он будет жевать её, как жевачку, прилипшую к подошве.

— Ничего я не скрываю.

— Я же вижу, Вов. Ты третий день сам не свой. Из комнаты не выходишь, телефон этот…

— Вот из-за этого я тебе ничего и не рассказываю.

Он сказал это и сразу услышал, как это звучит. Мать моргнула. Один раз, медленно. И ничего не ответила.

Хуже было бы, если б закричала. Он был готов к крику, к «в кого ты такой», к «отец, ты слышишь». А она просто стояла и молчала, и в этом молчании было всё сразу: и что он неблагодарный, и что она так и знала, и, может быть, то, что он прав.

— Я вечером приду, — сказал Вова.

Он вышел и прикрыл дверь — не хлопнул, а именно прикрыл, аккуратно, и аккуратность эта была злее любого хлопка.

На лестнице, между четвёртым и третьим, его замутило. Он сел на подоконник, на холодный бетон, и посидел минуту. Во рту было кисло. Слова стояли в ушах целиком, разом, — и голос его собственный, и то, как дрогнула на конце фраза.

Снизу поднималась соседка с собакой, и Вова встал и пошёл дальше, потому что сидеть на подоконнике в семь утра — это уже совсем.

Склад был за забором, между шиномонтажом и автомойкой. Вова нашёл нужную дверь, поднялся по железной лестнице и попал в комнатку три на два, где пахло нагретым пластиком и кофе из автомата.

Парень в флиске с бейджем — в объявлении его звали Роман — жевал жвачку и листал что-то в планшете.

— Вова? Привет. По объявлению, да? Приёмка.

— Ага.

— Слушай. — Роман отложил планшет и посмотрел на него почти виновато. — Тут такое дело. Человека вчера взяли. Буквально вчера.

— Как взяли?

— Обыкновенно. Девушка пришла, у неё опыта два года. Я сам узнал только утром, честно.

Вова стоял с рюкзаком на одном плече. В комнатке работал кулер, и в тишине было слышно, как в нём булькает вода.

— Но есть ночная, — сказал Роман. — Комплектовщик. С девяти до шести.

— С девяти вечера до шести утра?

— Ну да. А что?

— И сколько?

— Там ставка другая. Ну, скажем так, на треть меньше. И первый месяц без оформления, но это у нас у всех так, потом оформим.

Вова подумал, что ночью он будет таскать коробки, а днём спать, и Вика будет звонить в два часа дня и слушать, как он мычит спросонья. Потом подумал, что Вика может и не позвонить. Потом подумал, что дома об этом лучше вообще не рассказывать.

— Ладно, — сказал он. — Нет.

— Уверен? Работа есть работа.

— Уверен.

Он вышел на улицу и ещё секунд сорок был очень собой доволен. Просто шёл и чувствовал, как в груди тепло, — правильный он, не прогнулся.

На повороте к остановке его накрыло.

Работы не было. Вообще никакой. И это он только что своими руками, из-за дурацкой фразы «уверен», отказался от единственного варианта, где ему уже сегодня сказали «приходи».

Он достал телефон, открыл переписку с матерью, набрал «я устроился» — и стёр. Открыл чат с Викой. Тоже посидел и ничего не написал.

Куда он теперь? Домой, к молчащей матери и телевизору? К приятелям, чтобы рассказывать, как всё нормально?

Он сунул телефон в карман и пошёл через двор к лавочке.

Лавочка у второго подъезда была ещё мокрая после поливалки. Вова сел на самый край, положил рюкзак на колени и открыл список вакансий.

— Здравствуйте, по объявлению. Курьер… Да, девятнадцать. Да, паспорт есть. Проживание… нет, не надо. Ага. Понял. Спасибо.

— Алло, здравствуйте. Насчёт вакансии… А опыт нужен? А стажировка?.. Нет, я понял. Извините.

Третий номер не ответил. Четвёртый оказался автосервисом.

— Извините, я по объявлению… Вакансия? А какая? А, грузчик. Нет, это не я, извините.

Пятый сказал: приходите завтра, но пешком, потому что на проходной надо заказывать пропуск, а человек, который заказывает, сегодня ушёл в два. Шестой сказал, что набирают только девушек.

Вова отложил телефон. В ушах стояло одно и то же: «спасибо, извините, понял».

Он сидел, слушал, как в песочнице орут дети, и вдруг вспомнил про Костю. Костя Швец из пятого дома, старше на три года, когда-то помог ему починить велик и потом полгода не здоровался. Говорили, что он теперь чем-то занимается — то ли доставкой, то ли техникой. Вова нашёл его в контактах, повертел номер в пальцах и нажал.

— Да.

— Кость, привет. Это Вова. Ну, с пятого дома, мы с великом ещё…

— А, Вовчик. — Там шуршало, будто рвали пакет. — Здорово. Сто лет.

— Слушай, — сказал Вова. — Ты вроде оформлением каким-то занимался. Мне работа нужна. Срочно.

Пауза. Пакет перестал шуршать.

— Найдётся, — сказал Костя. — Приезжай, поговорим. Только не по телефону.

— А куда?

— Дубнинская, семнадцать. Полуподвал, зелёная дверь. Скажешь, от Кости.

— Прямо сейчас?

— А ты занят?

Вова посмотрел на пустой двор, на мокрую лавочку, на свои кроссовки.

— Нет, — сказал он. — Не занят.

— Ну и всё. Только, — Костя помолчал, — ты мне потом поможешь. По мелочи. У нас так все.

— В смысле помогу?

— Да не ссы ты. Не кирпичи таскать. Приедешь — скажу.

Он отключился.

Полуподвал пах резиной, картоном и разогретой едой из микроволновки. Лестница вниз была крашена зелёной краской, ступеньки стёрты до бетона. На двери — лист А4, на нём одно слово: «Выдача».

Вдоль стены стояли стеллажи до потолка: одинаковые коробки, серые, без надписей, перетянутые скотчем. Парень в наушниках катал тележку и на Вову не смотрел совсем.

Костя сидел на подоконнике у курилки, в чёрной ветровке и с телефоном в руке. Он стал больше — не толще, а как-то шире в плечах, что ли.

— О, — сказал он. — Живой.

— Привет.

— Садись. — Он подвинулся. — Ну, рассказывай.

Вова рассказал. Коротко, без обычного своего вранья про то, как всё хорошо: склад, ночная смена, «уверен».

Костя слушал, кивал, потом сказал:

— Вот и дурак.

— Я знаю.

— Ладно. У нас тут несложно. Забираешь на терминале, привозишь сюда, я оформляю. Иногда надо на человека оформить, чтобы посылка прошла. Ничего такого, у нас все так делают. Пятьсот в день для начала, дальше посмотрим.

— Мне надо, чтобы чисто, — сказал Вова.

— В смысле?

— В смысле чисто. Чтобы потом никого не трясли. Чтобы никого не подставлять. Я в это не полезу.

Он сам не ожидал, что скажет это вслух, но сказал и почувствовал, что стоит на чём-то твёрдом.

Костя посмотрел на него секунды две, потом хмыкнул:

— Договорились. Всё чисто, я тебе говорю. — И протянул руку. — С понедельника.

Он согласился слишком легко. Вова даже отметил это где-то на краю сознания, но руку пожал, и внутри разлилось облегчение, тёплое и глупое, как в детстве, когда за тебя всё решили и можно просто идти.

— Слушай, — Костя убрал телефон в карман, — и сразу про мелочь, пока не забыл. У тебя же есть эта… Вика. Ну, с которой ты переезд помогал.

— Есть.

— Она на съёме живёт? Одна?

— Ну.

— Мне нужен адрес. На один день. Коробку принять, обычную, из магазина. Оформим на её имя, курьер привезёт, ты в тот же день заберёшь. Она даже знать не будет.

Внизу загудел кулер, и парень с тележкой уехал за угол.

— Что в коробке? — спросил Вова.

— Да техника. Блоки, зарядки, чехлы. Мелочь обычная, Вов. Ты чего напрягся?

— Да не напрягся.

— Ну?

— Да без проблем, — сказал Вова.

Он сказал это раньше, чем успел подумать. Вообще раньше. Просто выдохнул привычное «да без проблем», потому что так разговаривают с людьми, которые только что дали тебе работу.

— Вот и славно, — Костя хлопнул его по плечу. — Адрес скинь сейчас. И фамилию.

Вова достал телефон.

Фамилию он знал — видел на почтовом ящике, когда они таскали шкаф, и ещё в квитанции за доставку. Адрес тоже помнил. Он набрал всё в одно сообщение, отправил и убрал телефон в карман.

— Всё, беги, — сказал Костя. — У меня приёмка.

Дома пахло жареной картошкой. Отец сидел в кресле, и в телевизоре кто-то стрелял. Мать мыла посуду и не обернулась.

— Я на работу устроился, — сказал Вова из коридора.

— Хорошо, — сказала она в раковину.

Он постоял, подождал чего-то ещё. Ничего не было. Он ушёл в свою комнату и закрыл дверь.

Кровать была заправлена с утра, на столе лежал старый жестяной пенал и учебник, который он не открывал недели две. Вова сел, потом лёг, потом опять сел. Включил телефон.

В переписке с Костей висело его сообщение: улица, дом, квартира, фамилия. Отправлено в 15:42. Он смотрел на него и вдруг понял, что не помнит, как писал. Помнит, как набирал, — и не помнит, как думал.

Техника. Зарядки и чехлы.

Он вспомнил стеллажи в подвале. Одинаковые серые коробки без надписей, до потолка. Парня в наушниках, который ни разу не поднял головы. Вспомнил, как Костя сказал «на человека оформить, чтобы посылка прошла».

И ещё: «на её имя».

Он вспомнил, как она стояла в дверях, в одних носках, и сказала: «Не надо, Вов. Я сама.» Как он тогда ничего не смог с этим сделать.

Вова открыл чат с Викой. Набрал: «слушай, если тебе завтра привезут коробку, не бери. Я потом объясню». Посмотрел на это. Стёр. Набрал: «у тебя всё нормально?». Стёр. Отложил телефон, встал, прошёлся до двери и обратно.

За стеной у отца в телевизоре сменилась передача, заиграла музыка.

Он нажал вызов.

— Да, — сказал Костя.

— Кость, привет. Слушай, по коробке — отбой.

— В смысле отбой?

— Не надо на неё оформлять. Она не в курсе. Я не хочу её в это втягивать.

— Ты уже согласился, Вов.

— Я знаю. Я передумал.

В трубке было тихо, только где-то далеко у Кости играло радио.

— Я уже оформил, — сказал Костя.

— Так отмени.

— Не могу. Заявка ушла.

— Кость.

— Ну и что? Ты мужик или кто? Сказал — сделал.

— Я не знал, что это будет вот так, — сказал Вова, и сам услышал, как жалко это звучит.

— А как это так? — голос у Кости стал ровный, сухой, без всякого дружелюбия. — Ты сказал «без проблем». Я услышал. Всё, вопрос закрыт.

— Я ей скажу, — вдруг сказал Вова. — Позвоню и скажу, чтобы ничего не брала.

Пауза.

— Скажешь, — согласился Костя. — И что скажешь-то? Что это ты её адрес дал? Ты хоть понимаешь, что ты сейчас скажешь?

Вова молчал. За стеной в телевизоре засмеялись.

— Завтра в двенадцать курьер у неё будет, — сказал Костя спокойно. — Позвонит, скажет: посылка на ваше имя. Она откроет. Всё чисто, как ты просил. — Он помолчал. — Ты уже согласился, Вов.

И отключился.

Вова посидел с телефоном в руке, слушая короткие гудки. Потом экран погас.

За стеной стреляли.

То зачем он пришел

На четвёртый этаж он поднимался с коробкой в руках и с готовой фразой в голове. Фраза была короткая: «Я на минуту, просто занести». Он прорепетировал её на втором пролёте, беззвучно, одними губами, и остался доволен.

Коробка была тяжёлая, углы упирались в колени. Он останавливался на каждом этаже, перехватывал её и слушал, как внутри что-то перекатывается — книги или посуда, он не спрашивал, когда брал.

В подъезде пахло краской и мокрой штукатуркой. Дом был новый, лампочки горели через одну. На подоконнике между третьим и четвёртым кто-то оставил пустую бутылку и пачку из-под сока.

За дверью зашаркало, щёлкнули два замка, и Вика открыла — в носках, в широкой футболке, волосы собраны как попало, на виске прилипла прядь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.